

A man with a beard and a woman with blonde hair are shown in a train car. The man is in the foreground, looking intensely at the camera, wearing a dark blue polo shirt. The woman is behind him, looking slightly to the side. The background shows the interior of a train car with wood paneling, a window with curtains, and a small table with two glasses.

САННА СЬЮ

РАЗВОД

Твой поезд ушёл, дорогой

Санна Сью
Развод. Твой поезд
ушёл, дорогой
Серия «Кризис семейной
жизни», книга 3

*<https://litres.ru/74534303>
SelfPub; 2026*

Аннотация

— Какого чёрта ты здесь?! — рычит муж, даже не пытаясь прикрыться. — Ты же должна прилететь завтра!

— Знаешь, Лёш, — говорю спокойно, — кажется, в этот раз мой поезд пришёл удивительно вовремя. А вот твой — ушёл. Навсегда.

— Это не измена! Мне нужна разрядка! Я большой человек и обязан всё время всем приказывать, удерживать контроль!

— Ты хоть сам понимаешь, что несёшь?!

Двадцать три года идеального брака оказались враньём. Денег нет — муж заблокировал карту. Друзей нет — все выбрали его сторону. Профессии нет — если не считать борщ и организацию чужих праздников. Зато есть родительская квартира и характер, о котором я сама не подозревала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Санна Сью

Развод. Твой поезд ушёл, дорогой

Глава 1

— Билет я тебе купил в бизнес-класс на послезавтра. Вылет в час тридцать дня. Встречу, — чеканит Лёша своим привычным, не терпящим возражений тоном.

Каждое слово как удар молотка. Распоряжение, а не приглашение к обсуждению.

— Угу, хорошо, — отвечаю покорно, машинально глядя на табло с расписанием поездов.

Вступать с ним в спор все равно что биться головой о бетонную стену. Мой муж давно привык приказывать, а я, кажется, привыкла делать вид, что подчиняюсь. Зачем в сотый раз доказывать, что у меня и правда аэрофобия, что от одного вида самолета у меня холодеют ладони и подступает тошнота? Что я ни за что не приближусь к этой железной птице, если есть возможность добраться на поезде.

У меня уже лежит в сумочке билет в вагон СВ на прекрасный скорый поезд, и я прямо сейчас сижу в уютном и тихом вип-зале, попивая кофе в ожидании отправления. При-

еду завтра к вечеру, вместо того чтобы трястись от страха в самолете и вернуться послезавтра. Ему же, если вдуматься, лучше — не придется отрываться от своих бесконечных дел и мчаться по пробкам в аэропорт, чтобы встретить меня.

Хотя вряд ли он это оценит.

— Как там Лисёнок и... внучка? — все же вспоминает муж, куда и зачем я уезжала.

— Внучку зовут Есения, Леш. Есения, — мягко напоминаю, и на сердце от мыслей о ней сразу теплеет. — Она у нас замечательная, просто чудо, — говорю, и мое отражение в тонированном окне зала ожидания широко улыбается мне в ответ.

Наша дочь Алиса недавно родила малышку, и даже при том, что у них с мужем достаточно денег на целый штат нянь и других помощниц, я не могла не поехать, чтобы оказать своей девочке материнскую поддержку. Кто как ни я, ее мама, даст самый важный совет по обращению с этим хрупким комочком?

Да, Алиса у меня одна, и родила я ее двадцать два года назад, но ведь в моей памяти все так ярко, будто это было вчера. И результат, как говорится, налицо — в самом буквальном смысле. На красивое, здоровое и успешное лицо моей повзрослевшей доченьки. Разве этого мало?

— Прохиндей не обижает их? — спрашивает Леша угрюмо, и в голосе его слышится привычная, застарелая неприязнь.

«Прохиндеем» он с самого начала называет мужа Алисы Ивана. Милого, умного парня, который души не чает в нашей дочери. Даже не знаю, кем должен быть избранник Алисы, чтобы Алексей проникся к нему хоть каплей уважения. Разве что более богатым, властным и влиятельным, чем сам Алексей. А этого, конечно же, невозможно достичь в двадцать пять — столько лет нашему зятю. Это не аргумент для Алексея, а подтверждение его правоты.

Однако спорить бесполезно, так что я просто игнорирую вопрос и продолжаю гнуть своё:

— Представляешь, Есюшка уже головку держит, уверенно так! И пытается перевернуться на животик сама, просто невероятно для ее возраста! А еще...

— Так, все, мне некогда. Дома расскажешь, — сухо обрывает муж и, не дожидаясь ответа, сбрасывает звонок.

Я поджимаю губы и качаю головой. Когда он стал таким черствым, таким эмоционально глухим чурбаном? А самое главное — зачем я это все терплю столько лет? Любовь или привычка меня удерживают от того, чтобы все Алексею высказать, накричать, хлопнуть дверью и уйти, начать жизнь заново, наконец-то самореализоваться... Не знаю, но это точно не страх остаться без гроша. Я с мужем не из-за денег. Я и без него, с моим образованием и наследством от родителей, с голода не умру. Может быть я боюсь осуждения общества? Если без всякой причины, объявить, что я хочу развестись...

Пожалуй, меня сразу же сочтут невменяемой и сдадут в

психушку. Никто не поверит, что сорокапятилетняя женщина в здравом уме и трезвой памяти, с прекрасной и благополучной, на вид, жизнью может отчуждаться такое. Да и не хочу я разводиться! Наверное я всё же до сих пор Лёшу люблю, мы столько вместе пережили...

Громкое объявление о посадке на мой поезд резко обрывает поток невесёлых мыслей. Я расправляю плечи, поднимаюсь, беру свой компактный чемодан на колёсиках и качу его через весь зал на перрон, вдыхая любимый с детства запах горячего железа, масла и чего-то присущего только вокзалам. Нахожу свой вагон, показываю приветливой проводнице билет на телефоне и поднимаюсь внутрь. Иду по узкому коридору к своему двухместному купе, которое, на моё счастье, удалось выкупить полностью. С облегчением думаю о тишине и уединении. Отдвигаю тяжелую дверь купе... а та-а-а-м...

Мужской голый торс с прорисованными, будто из мрамора, всеми положенными кубиками пресса! Незнакомец как раз расстегивает ремень, собираясь избавиться от брюк. Сглатываю, с трудом поднимаю ошарашенный взгляд выше, чтобы пялиться исключительно в его глаза, когда буду сообщать, что он ошибся купе, и... застываю с раскрытым от изумления ртом.

А ведь я этого мужчину знаю!

Глава 2

— Здр... здр-а-авствуйте, — заикаясь, мямлю не своим каким-то сдавленно-писклявым голосом.

Вот засада! Никогда еще я не оказывалась в купе с полураздетым кумиром мужа. Он в присутствии этого человека как-то даже терялся и робел.

Как же его зовут?! Помню, что фамилия звучная, солидная, и имя необычное, и занимает он какое-то очень весомое положение в обществе. Муж примерно месяц назад на юбилее его делового партнера показывал мне этого мужчину, восхищался его деловой хваткой и мечтал познакомиться поближе.

А по коридору в это время проходят другие пассажиры, торопясь занять свои места. Вагон полный — я последнее свободное купе успела выкупить.

— Здравствуйте? — произносит мужчина и медленно оглядывает меня с головы до ног, натянув на четко очерченные красивые губы многозначительную понимающую ухмылку.

Вот зачем ему такие губы? И ресницы — густые, темные, загнутые кверху. Нам, женщинам, приходится в салонах красоты чуть ли не постоянную прописку оформлять, чтобы в сорок пять выглядеть свежо и ухоженно. А мужчинам все это частенько дано от природы. Насколько помню, этот кра-

савчик с деловым партнером моего мужа учились в одном институте. А деловому партнеру Лёши как раз исполнилось пятьдесят. Чтоб мне в пятьдесят без услуг косметолога так выглядеть!

Внезапно эта простая арифметика переключает мой внутренний тумблер с растерянного восхищения на привычное, почти уютное раздражение. Ага, значит, не мальчик уже.

— Странный вопрос, — говорю я холодно, вкладывая в голос всю возможную сухость. — Приличные люди всегда сначала здороваются, даже если хотят сообщить человеку, что он ошибся купе.

Мужчина даже не думает смущаться. И одеваться тоже не спешит, будто его торс — это нечто само собой разумеющееся, вроде дизайнерского интерьера. Он бесцеремонно берёт меня за талию и легко отодвигает с прохода, чтобы демонстративно выглянуть в коридор и посмотреть номер на двери.

— Никаких ошибок. У меня место номер семь, — заявляет он безапелляционно.

Как же так? У меня номера мест — семь и восемь. достаю телефон дрожащими от волнения пальцами и открываю электронные билеты. Тычу экран мужчине под нос.

Но полуголый красавчик, не моргнув глазом, проделывает тот же номер со своим телефоном и демонстрирует, что у него билет на этот же поезд, в этот же вагон, на место номер семь. И до меня наконец медленно доходит ужасающая истина.

на: произошел дурацкий, невозможный сбой в системе. Кажется, это называется двойное бронирование — жутко редкая по нашим временам вещь.

— Я позову проводницу, — цежу сквозь зубы, чувствуя, как нарастает паника.

Куда я денусь? Поезд уже скоро тронется. Сойти и полететь послезавтра на самолёте, как и велел Лёша? Ни. За. Что. Да я лучше с живым тигром в одном купе поеду!

И в это время раздаётся объявление об отправлении, вагон мягко дергается с места, и мир за окном медленно плывет.

— Она сама придет проверить билеты. Заходите,ждем-ся здесь, — широким жестом хозяина мужчина показывает мне на свободную полку.

И, словно фокусник, натягивает на себя темную, мягко облегающую его тело футболку известного бренда.

Где он ее прятал?! Всё время держал в руке? Выходит, я все внимание сосредоточила совершенно не там и ничего, кроме его торса, не замечала?

Ситуация настолько неловкая и абсурдная, что я очень хочу отказаться и постоять в узком коридоре, прислонившись к стене. Однако внутренний голос ехидно напоминает, что мне сорок пять, а не пятнадцать, и пора бы уже вести себя как взрослая адекватная женщина, а не как затравленная девочка. Этот красавчик явно не собирается на меня набрасываться с разнузданными домогательствами.

Размечталась!

Собрав всю свою волю в кулак, я захожу в купе, вкатываю чемодан и опускаюсь на сиденье у столика. Мужчина усаживается напротив, сразу будто занимая собой все пространство, и складывает руки замком на столешнице. Смотрит на меня с легкой изучающей улыбкой, как на старую знакомую.

Может, и он меня узнал? Маловероятно, конечно, но если все же это так, то я тем более веду себя глупо и нелепо, да еще и мужа своего невольно подставляю. Лёша мне настоящую плешь проест, если узнает, что я фыркала и строила из себя невесту что перед уважаемым человеком вместо того, чтобы завести полезное знакомство.

Однако ничего с собой поделать не могу. Вместо налаживания стратегического контакта вопросительно поднимаю брови и спрашиваю:

— У меня тушь размазалась?

Ресницы я вообще не крашу — у меня ламинирование, — но тоньше завуалировать раздраженный вопрос «чего уставился?» в данный момент я не в состоянии.

Мужчина смеется красивым бархатным смехом, от которого у меня по спине бегут незванные мурашки.

— Вы замечательно выглядите, Альбина, — говорит он, и его улыбка становится почти интимной.

Я моментально застываю. Чувствую себя мышкой, попавшей в мягкие, но цепкие лапы матёрого кота. Откуда он знает, как меня зовут?! Допустим, он меня вспомнил, но на той

злополучной вечеринке нас не представляли друг другу официально! Вообразить себе, что я произвела на него неизгладимое впечатление и он собрал обо мне информацию, а потом и вовсе устроил нам это случайное-неслучайное свидание в СВ длиною в сутки, я при всей своей подозрительности не способна. Это же смешно до колик! Я не звезда неземной красоты и не воротила бизнеса, чтобы ради меня так стараться.

— Вы... экстрасенс? — выдыхаю поражённо, отчаявшись сохранить хотя бы видимость равнодушия.

Он опять смеётся так, что у меня все внутренности переворачиваются.

Глава 3

— У вас на телефоне написано «Альбина». Или вы купили чехол с чужим именем? — насмешливо, но беззлобно спрашивает этот хищник, и его взгляд скользит по моей руке, все еще сжимающей гаджет.

Тьфу ты! Как все, оказывается, просто и прозаично. Меньше надо книжек читать, Аля, тогда не будет везде мерещиться таинственный сюжет и знаки судьбы.

Но вместо облегчения, которого я жду, в груди колет иголочка разочарования. словно вмиг испарилась вся интрига, весь флер невероятного совпадения, оставив вместо себя лишь банальную техническую ошибку и неловкость.

— С отчеством, к сожалению, не было, — сухо отвечаю, опуская телефон в сумочку. — А так — да, я Альбина Эдуардовна. А как я могу к вам обращаться? — спрашиваю как можно официальнее, выстраивая между нами невидимую, но четкую границу.

Скорее бы проводница пришла и разрешила эту дурацкую ситуацию. Я чувствую себя глупо, как школьница, пойманная на подглядываниями за мальчиками в раздевалке... Хотя откуда мне знать, как они себя чувствуют? Никогда таким не занималась. В общем, мне ужасно неуютно в этом ограниченном пространстве с этим мужчиной наедине.

— А ко мне можно просто по имени. Мартин.

Точно! Мартин Красимиров! Фамилия всплыла в памяти сама, звучная и немного старомодная, как отголосок другой эпохи.

— Очень приятно, — говорю я и впервые за этот вечер позволяю себе короткую вежливую улыбку.

Наверное, от глупой радости, что хоть что-то вспомнила, а значит у меня пока склероза нет и мозги еще на месте.

Но улыбка сохраняется ненадолго, потому что в дверном проёме купе появляется проводница — ну просто белая полоса в моей жизни началась, не иначе.

— Мария, у нас проблема, — обращаюсь я к ней, быстро прочитав имя на бейдже. — Я выкупила два места в этом купе, но, похоже, одно из них продали два раза.

Стройная, подтянутая женщина моих лет, с аккуратной строгой прической и в парадной форме, хмурится. Она долго и внимательно смотрит наши билеты на своем планшете, сверяется с документами, снова вздыхает, и этот вздох говорит красноречивее любых слов.

— Сбой в системе был, — констатирует печально, виновато разводя руками. — Такое, увы, иногда случается. Даже не знаю, что сейчас можно сделать... СВ в составе один, и свободных мест нет. Сами понимаете — сезон. Сообщу начальнику поезда, пусть он ваш вопрос решает.

Я молча поджимаю губы и отворачиваюсь к окну, за которым уже несутся, сливаясь в темные полосы, огни пригородных поселков. Прекрасно понимаю, что максимум, на что я

могу теперь рассчитывать, — это на возврат денег за один билет, а предстоящие сутки пути мне все равно придется провести в одном замкнутом пространстве с этим... интересным мужчиной.

Какой ужас! Расскажу потом подругам — они от зависти и любопытства умрут.

Мысль настолько абсурдная, что я еле сдерживаю нервный смех.

— Если стоимость билета гарантированно компенсируют, можете начальника нашей проблемой не нагружать, — раздается спокойный голос Мартина. — В конце концов, нам не придется спать на одной полке. Мы как-нибудь договоримся.

Вот бы был номер, если бы нам на одной полке пришлось спать!

Но видно, что человек привык принимать решения быстро и единолично, не тратя время на долгие обсуждения. И кого же это мне очень живо напоминает? Ах, да! Моего дорогого супруга Алексея, в котором меня эта властная, не терпящая возражений черта последние годы страшно бесит. Однако, видимо, из-за выработанной за долгие годы привычки не спорить и подчиняться более сильной стороне, я лишь молча киваю, сжав пальцы на коленях.

Проводница буквально расцветает от облегчения. Она прикладывает руку к сердцу и смотрит на Мартина с неподдельным восторженным обожанием, как на спасителя дев не первой свежести.

— Спасибо вам огромное! Дай вам бог здоровья! А компенсация обязательно будет, я справку оформлю и принесу, и вам в кассе на конечной обязательно деньги вернут, — говорит она с придыханием, а на меня даже не смотрит.

И это бесит. Бесит по-настоящему, до дрожи в кончиках пальцев. Вообще-то пострадавшая сторона здесь я! Это меня, заплатившую за уединение, она должна благодарить за понимание, а не этого самоуверенного Мартина, который просто не захотел возни.

Острое, почти физическое желание стать наконец самодостаточной личностью, которую видят и слышат, а не удобной тенью, становится еще острее. Я ведь хорошо училась и до того, как родилась Алиса, успела получить диплом «массовика-затейника» в культпросвете. Успешно вела мероприятия, начиная с первого курса. И корпоративы, и детские утренники, и свадьбы. Снегурочкой в новогоднюю пору отлично с одноклассником Игорем Сомовым, Дедом Морозом, зарабатывала... Да я сама могла организовать праздник на корабле!

Будучи Снегурочкой, кстати, и познакомилась с Лешей, когда пришла на заказ к одному из его друзей... Муж твердил, что влюбился в меня с первого взгляда. Красиво ухаживал. Мы поженились.

А потом он запретил мне работать. Сказал, нечего посторонних мужиков развлекать, лучше делай нашу жизнь праздником. И я делала... Из всех сил старалась. Украшала дом,

готовила изысканные ужины, придумывала сюрпризы. Но, похоже, для него это очень быстро стало просто... фоном. Я незаметно превратилась в высокооплачиваемую службу.

Глава 4

А мой сосед с проводницей все щебечут! Прямо мне по нервам. Обсуждают какие-то стоянки, расписания, хихикают, а у меня от этого дергается глаз. Ну нельзя же быть таким... обаятельным со всеми подряд! Это подозрительно. Или это я просто отвыкла от мужчин, поэтому думаю, что они все должны быть, как мой Лёша?

— Мария, а обед через вас заказывать? — интересуется Мартин.

Я вот в дорогу курицу приготовила. Золотистую такую, с хрустящей корочкой, вредную до ужаса, но иногда можно расслабиться. Еще яиц отварила, огурцов с помидорами нарезала, сала домашнего, колбаски и хлеба. Завернула всё в фольгу и аккуратно уложила в контейнеры. Прекрасно знаю, что в стоимость билетов СВ входит еда — там, наверное, и салатики, и горячее, и десерт. А мне так вообще двойная порция полагалась бы, если бы система не дала сбой.

Но жареная курица, домашние яйца и всё остальное в поезде — это традиция! Это запах детства, смешанный с ароматом железной дороги и предвкушением моря. Я с родителями ездила каждое лето в Анапу, в крошечную комнатку бабы Нины, и очень любила именно такие перекусы: мы садились на нижней полке, стелили клеенчатую скатерть, мама доставала аккуратные свертки, и это был настоящий пикник

под стук колес. Хотела в одиночестве понастольтгировать, погрустить, вспомнить маму и папу... А тут, понимаешь, сосед.

— Да-да, конечно, Мартин Германович. Меню на откидной полочке, вы пока выбирайте, я скоро заказы приму, — щебечет Мария, и я наблюдаю, как она буквально тает под его взглядом.

— Благодарю, драгоценная наша, — говорит этот ходячий демон-искуситель своим обволакивающим, как теплый мед, голосом. — А пока, будьте так добры, закройте за собой дверь.

Ну это уже слишком! Раскомандовался командир!

— Оставьте открытой, Мария! — выпаливаю ему назло.

Мой голос звучит громче и резче, чем я планировала. Тут же понимаю, как это выглядит со стороны. Капризная нервная дамочка, которая закатывает скандал на ровном месте. Истеричка, одним словом. Внутренне вся сжимаюсь, словно пытаюсь стать меньше и срастись с обшивкой сиденья. Спокойно, Аля. Ты взрослая женщина, мать и даже бабушка уже. Расслабься, выдохни и сделай вид, что всё хорошо.

Мария с удивлением переводит взгляд с меня на Мартина, потом обратно и принимает соломоново решение: прикрывает дверь, но оставляет небольшую щель. И нашим, и вашим, как говорится.

А Мартин смотрит на меня, хитро, по-кошачьи прищулив глаз, и на его губах играет понимающая усмешка.

— Вы меня боитесь, что ли, Альбина? — спрашивает ве-

село.

Дурацкая ситуация. Не рассказывать же ни в чем не повинному мужчине, что я просто срываю на нем свое разочарование, усталость от собственной жизни и привычку вечно быть в глухой обороне. Что он просто попал под горячую руку. Вернее, под холодный тон.

— Нет, что вы, Мартин. Душновато просто, — бессовестно вру, глядя в сторону, на пролетающие за окном темные силуэты деревьев.

В вагоне работает кондиционер, и в купе откровенно прохладно. Красимиров сейчас точно подумает, что у меня приливы. Тьфу-тьфу-тьфу три раза через левое плечо, чтобы не накаркать. До климакса мне, надеюсь, еще далеко!

— Или вы за себя боитесь? — с коварной улыбкой спрашивает мой сосед, и его бровь насмешливо ползет вверх.

Что-о-о?! Я аж воздухом давлюсь и кашляю, чувствуя, как краска заливает щеки. Он намекает, что я могу не сдержаться и наброситься на него, как голодная тигрица, стоит только двери плотно закрыться?! Да как он смеет вообще допускать такую мысль?! Да я даже во сне, даже в самых потаенных, сокровенных фантазиях никогда мужу не изменяла! Для меня супружеская верность — это не просто слово! Это фундамент, на котором держится мой мир!

Я уже открываю рот, чтобы выдать полную праведного негодования и оскорбленной добродетели тираду, но в последнюю миллисекунду вовремя его захлопываю. Стоп. Он

же не всерьез. Он просто подтрунивает, дразнит меня, проверяет на прочность. А мне, вместо того чтобы обижаться, лучше взять себя в руки, включить чувство юмора и не позорить перед ним ни себя, ни мужа. Вдруг Лёша всё же наладит с Мартином деловые контакты и нам придется встретиться на каком-нибудь официальном приеме? Представляю свою неловкость.

Я улыбаюсь ему своей самой многозначительной улыбкой — той, которой когда-то, лет двадцать назад, сражала наповал кавалеров направо и налево. Встаю плавно, как пантера (ну или как пантера, которая долго сидела в неудобной позе и у нее затекли ноги), подхожу к двери и демонстративно, с мягким, но решительным щелчком закрываю её полностью, не сводя пристального, почти гипнотического взгляда с лица соседа по купе. Затем делаю один маленький осторожный шаг в его сторону.

— Ну всё, ты меня раскусил, — произношу низким, таинственным голосом, о наличие которого у себя и не подозревала. — Теперь пеняй на себя.

И для пущего эффекта громко и выразительно щелкаю зубами. Звук получается звонкий, почти как в кино.

Мартин на секунду замирает, а потом вдруг откидывает голову и громко, раскатисто, совершенно искренне смеется — так, что морщинки собираются у глаз. Поднимает обе руки вверх, сдаваясь.

— Сдаюсь! Уделала! — говорит с открытой мальчише-

ской улыбкой.

Пятьдесят ему ни за что не дашь!

Я изящно кланяюсь, как заслуженная артистка всех пого-
релых театров, собравшая бурные овации после бенефиса, и
с достоинством опускаюсь на свое место.

И с удивлением понимаю: это спонтанное дурацкое пред-
ставление вдруг подняло мне настроение. Предстоящие сут-
ки в дороге уже не кажутся такими невыносимо долгими и
раздражающими.

Глава 5

Мария возвращается минут через двадцать, чтобы принять заказы на ужин. Стучит деликатно, заглядывает с профессиональной улыбкой, и я ловлю себя на том, что больше не раздражаюсь ни на неё, ни на её восторженные взгляды в сторону моего соседа. Подумаешь, смотрит. Я бы тоже смотрела. Смотрю, если честно. Просто исподтишка.

— Определились с выбором? — спрашивает проводница, и её взгляд, разумеется, устремлён на Мартина.

— Мне, пожалуй, стейк средней прожарки с овощами гриль, овощной салат и бутылочку минеральной воды, — отвечает он, даже не заглядывая в меню. — Альбина Эдуардовна, а вы что будете?

Я вздрагиваю от неожиданности. Он запомнил моё отчество? И произнёс его так естественно, будто мы знакомы сто лет.

— Я... У меня с собой, — от неожиданности выкладываю свой вкусный секрет и тут же понимаю, как это звучит.

Как будто у меня психическое расстройство, мешающее есть ресторанный еду!

— Ух ты! — восхищается Мартин, и я не могу понять: это сарказм или от всей души. — Я, признаться, завидую. Ресторанная еда — это прекрасно, но ничто не сравнится с домашней.

Мария понимающе кивает и удаляется, а я сижу с приоткрытым ртом, не зная, как реагировать. Он что, серьёзно? Или это такой изощрённый способ подколоть? Но в его глазах нет насмешки — только какая-то тёплая ностальгия.

— Вы правда завидуете? — не выдерживаю я.

— Правда, — кивает Мартин и откидывается на спинку сиденья. — Моя бабушка всегда брала в поезд жареную курицу. И варёные яйца. И обязательно пирожки с капустой. Мы ездили к родственникам в Болгарию, двое суток в плацкарте. Я просто самолёты с детства не переносу и летаю, только если невозможно добраться другим способом.

Смотрю на него как на потерянного в младенчестве брата. Хотя какой он мне брат? Мы вообще не похожи.

— В Болгарию? Так вы болгарин?

— Наполовину. Отец болгарин, мама русская. Красимиров — от отца. А Мартин — в честь моего деда по матери. Ага, прямо древнее русское имя у него. Давлю улыбку.

В голосе Мартина проскальзывает что-то настоящее и глубоко личное. И я вдруг понимаю, что этот успешный бизнесмен, которого так глубоко уважает и даже побаивается мой муж, — тоже просто человек. С бабушкой, которая жарила курицу. С дедом, в честь которого его назвали.

— Мой дед тоже был замечательный, — говорю тихо. — Научил меня в шахматы играть. И свистеть в два пальца, хотя бабушка твердила, что это неприлично для девочки.

— Умеете до сих пор?

— Конечно. Но не буду — мне всё-таки сорок пять.

— Жаль, — говорит он, и в его глазах пляшут чёртики.

— Что мне сорок пять?

— Нет, что не свистните. Я бы послушал.

И вот так, слово за слово, мы разговорились. Сначала осторожно, потом всё свободнее. Он рассказывает про свой бизнес — логистика, международные перевозки, — но не хвастается, а делится. Я показываю фотографии Есенин, и он рассматривает их с искренним интересом.

Приносят его стейк, и я решаюсь достать свои контейнеры. Расстилаю салфетку, раскладываю курицу, яйца, овощи.

— Угощайтесь, — предлагаю неожиданно для себя. — Курицы много.

— С удовольствием, — говорит он и берёт куриную ножку руками.

Лёша бы никогда так не сделал. А Мартин запросто, без всякого снобизма.

Мы ужинаем, за окном проносятся огни станций, и мне вдруг становится хорошо. Просто хорошо — без тревоги, без ожидания критики.

— Слушай, Альбина, — вдруг говорит Мартин, и я не сразу замечаю, что он перешёл на «ты». — Давай уже без отчеств? А то я себя чувствую на приёме у депутата.

Я фыркаю от смеха.

— Давай.

— Договорились.

И это «ты» между нами повисает так естественно, будто мы знакомы не несколько часов, а несколько лет.

Ночь проходит удивительно спокойно. Мартин, как истинный джентльмен, выходит в коридор, пока я переодеваюсь и устраиваюсь на своей полке. Потом мы ещё долго разговариваем в темноте — о детях, о родителях, о том, как странно устроена жизнь. Он рассказывает, что был женат и у него два взрослых сына. Что развёлся пять лет назад. Без скандалов, просто разошлись, когда поняли, что стали чужими людьми.

— А ты? — спрашивает он. — Счастлива в браке?

Вопрос повисает в темноте, и я не знаю, что ответить. Счастлива? Была когда-то. Наверное. А сейчас?

— Замужем двадцать три года, — говорю уклончиво. — Дочь вырастили, теперь будем внучку растить.

Мартин молчит, и в этом молчании больше понимания, чем в тысяче слов.

Утром мы завтракаем вместе — он заказывает омлет, я достаю остатки своих запасов. Болтаем о книгах, о путешествиях, о том, что он мечтает когда-нибудь проехать по Транссибу до Владивостока.

— Семь дней в поезде? — удивляюсь я. — Это же с ума сойти можно!

— Или найти себя, — улыбается он. — Зависит от компании.

И смотрит на меня так, что теплеют щёки.

День пролетает незаметно. Мы играем в города, потом в «угадай фильм по цитате», потом просто молчим, глядя в окно на проплывающие мимо пейзажи. И это молчание не неловкое, а какое-то... уютное. Как со старым другом.

К вечеру поезд начинает замедляться. За окном появляются знакомые очертания пригородов, потом городские кварталы. Сердце сжимается от странного необъяснимого сожаления. Сутки пролетели как один час.

— Тебя встречают? — спрашивает Мартин, когда мы собираем вещи.

— Нет, — качаю головой. — Муж думает, что я прилечу завтра. Возьму такси.

— Ещё чего, — говорит Мартин тоном, не терпящим возражений. — Меня встречает водитель, подвезём тебя до дома. Не спорь.

И я не спорю. Почему-то спорить совсем не хочется.

На перроне нас встречает крепкий мужчина в строгом костюме — водитель Мартина. Молча берёт наши чемоданы, ведёт к чёрному представительскому седану. Мартин открывает передо мной заднюю дверь, и я забираюсь в прохладный, пахнувший кожей салон. Диктую адрес, и машина плавно скользит по вечерним улицам.

Всю дорогу мы молчим, но это молчание другое — немного грустное, прощальное.

— Спасибо тебе, — говорю, когда останавливаемся у моего дома. — За компанию. За то, что поделил со мной ку-

рицу. За всё.

— Это тебе спасибо за курицу, — улыбается Мартин и протягивает визитку. — Звони, если что. Или просто так. Я буду рад.

Я беру визитку, пальцы слегка дрожат. Выхожу из машины, машу рукой на прощание. Седан бесшумно уплывает в сумерки, и я остаюсь одна перед тёмной громадой собственного дома.

Окна не горят. Странно. Лёша обычно в это время наверх, в нашу спальню со шторами блекаут, не поднимается. Он любит сидеть за кухонным столом с бутылкой пива и ноутбуком, просматривая какие-то бесконечные графики и отчёты. Может, уехал куда-то?

Открываю дверь своим ключом, вхожу в прихожую. Тишина. Темнота. Привычный запах дома — смесь моих любимых благовоний, кофе и чистоты. Только откуда-то сверху, со второго этажа, доносятся приглушённые звуки. Музыка?.. Нет, не музыка. Голоса. Спор на повышенных тонах. Вернее, на повышенном тоне, причём женском. Какие-то ритмичные удары. Что там происходит?!

Сердце замирает и ухает в желудок. Холодеют пальцы, и я машинально хватаюсь за перила лестницы, чтобы не упасть. В голове проносятся тысячи объяснений — от грабителей до включённого телевизора, — но ни одно из них не успокаивает бешено колотящееся сердце.

Я медленно, стараясь не шуметь, поднимаюсь по лестни-

це. Каждая ступенька предательски скрипит под ногами, но я почти не слышу этого скрипа — в ушах стучит кровь, заглушая остальные звуки. Ладони влажные, и я вытираю их о юбку. Но чем ближе подхожу к спальне, тем отчётливее различаются все звуки, тем яснее становится картина, которую я отчаянно не хочу видеть.

— Жалкий слизняк! Мерзавец никчёмный! Глубже! Ты слышал, что я тебе приказала?! Быстрее! — звук пощёчины, звонкий и хлёсткий, и бешеный стук спинки кровати о стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.